

*Витязь
в тигровой шкуре*

Вступление

Тот, кто силою своею основал чертог вселенной,
Ради нас украсил землю красотою несравненной.
Животворное дыханье даровал он твари бренной.
Отражен в земных владыках лик его благословенный.

Боже, ты единый создал образ каждого творенья!
Укрепи меня, владыка, сатане на посрамленье!
Дай гореть огнем миджнура¹ до последнего мгновенья!
Не карай меня по смерти за былые прегрешенья!

Лев, служа Тамар-царице², держит меч ее и щит.
Мне ж, певцу, каким деяньем послужить ей надлежит?
Косы царственной — агаты, ярче лалов³ жар ланит.
Упивается нектаром тот, кто солнце лицезрит.

Воспоем Тамар-царицу, почитаемую свято!
Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то.
Мне пером была тростинка, тушью — озеро агата.
Кто внимал моим твореньям, был сражен клинком булата.

Мне приказано царицу славословить новым словом,
Описать ресницы, очи на лице агатобровом,
Перлы уст ее румяных под рубиновым покровом, —
Даже камень разбивают мягким молотом свинцовым!

¹ *Миджнур* — грузинское видоизменение арабского слова «меджнун» — обезумевший от любви.

² *Тамар-царица* (Тамара) — царица Грузии в 1184—1213 гг.

³ *Лал* — рубин.

Мастерство, язык и сердце мне нужны, чтоб петь о ней.
Дай мне силы, вдохновенье! Разум сам послужит ей.
Мы прославим Таризла, утешителя людей,
Трех героев лучезарных, трех испытанных друзей.

Сядем, братья, и восплачем о несчастном Таризеле!
Скорбь о нем копьем печали ранит сердце мне доселе.
Это древнее сказанье я, чье имя Руставели,
Нанизал, как цепь жемчужин, чтоб его стихами пели.

Страсть любви меня, миджнура, к этой повести склонила:
Та, кому подвластны рати, для меня светлей светила.
Пораженный ею в сердце, я горю в огне горнила.
Коль не сжалится светило, ждет безумного могила.

Эта повесть, из Ирана занесенная давно,
По рукам людей катилась, как жемчужное зерно.
Спеть ее грузинским складом было мне лишь суждено
Ради той, из-за которой сердце горестью полно.

Ослепленный взор безумца к ней стремится поневоле.
Сердце, сделавшись миджнуром, в отдаленном бродит поле.
Пусть она спасет мне душу, предавая плотской боли!
Как воспеть мне трех героев, если сил не станет боле?

Что кому дано судьбою — то ему и утешенье:
Пусть работает работник, воин рубится в сраженье,
Пусть, безумствуя, влюбленный познает любви лишенья, —
Не суди других, коль скоро сам боишься поношенья!

Стихотворство — род познания, возвышающего дух.
Речь божественная с пользой улаживает людям слух.
Мерным словом упиваться может каждый, кто не глух.
Речь обычная пространна, стих же краток и упруг.

Испытаньем иноходцу служит дальняя дорога,
Игроку — удар искусный, если мяч рассчитан строго.
Для певца же дело чести — ширь стихов, богатство слога,
Он и сам коня осадит, увидав, что речь убога.

Если вдруг в стихотворенье речь становится невнятна,
Присмотреться стихотворцу и полезно и приятно:
Увидав свою ошибку, он попятится обратно
И, геройски в мяч ударив, победит неоднократно!

Кто два-три стишка скропает, тот, конечно, не творец.
Пусть себя он не считает покорителем сердец.
Ведь иной, придумав глупость, свяжет рифмою конец
И твердит, как мул упрямый: «Вот искусства образец!»

Небольшой стишок — творенье стихотворца небольшого,
Не захватывает сердца незначительное слово.
Это жалкий лук в ручонках у стрелочка молодого:
Крупных он зверей боится, бьет зверушек бестолково.

Мелкий стих подчас пригоден для пиров, увеселений,
Для любезностей веселых, милых шуток, развлечений.
Если он составлен бойко, он достоин одобрений.
Но певец лишь тот, кто создан для значительных творений.

Надо, чтобы стихотворец свой талант не расточал,
Чтоб единственно любимой труд упорный посвящал.
Пусть она в стихах искусных, пламенея, как кристалл,
Удостоится созвучий музыкальных и похвал.

Той, кого я раньше славил, продолжаю я гордиться.
Я пою ее усердно, мне ли этого стыдиться!
Мне она дороже жизни, беспощадная тигрица.
Пусть, не названная мною, здесь она отобразится!

Есть любовь высоких духом, отблеск высшего начала.
Чтобы дать о ней понятие, языка земного мало.
Дар небес — она нередко нас, людей, преображала
И терзала тех несчастных, чья душа ее взалкала.

Объяснить ее не в силах ни мудрец, ни чародей.
Понапрасну пустословы утомляют слух людей.
Но и тот, кто предан плоти, подражать стремится ей,
Если он вдали страдает от возлюбленной своей.

Называется миджнуром у арабов тот влюбленный,
Кто стремится к совершенству, как безумец исступленный.
Ведь один изнемогает, к горним высям устремленный,
А другой бежит к красоткам, сластолюбец развращенный.

Должен истинно влюбленный быть прекраснее светила,
Для него приличны мудрость, красноречие и сила,
Он богат, великодушен, он всегда исполнен пыла...
То не в счет, кого природа этих доблестей лишила.

Суть любви всегда прекрасна, непостижна и верна,
Ни с каким любодеяньем не равняется она:
Блуд — одно, любовь — другое, разделяет их стена.
Человеку не пристало путать эти имена.

Нрав миджнура постоянен: не чета он блудодею,
Верен он своей любимой и скорбит в разлуке с нею.
Будь любимая сурова — он и так доволен ею...
В мимолетных поцелуях я любви не разумею.

Не годится звать любовью шутики взбалмошные эти.
То одна у ветрогона, то другая на примете.
Развлекаться столь беспечно лишь дурные могут дети.
Долг миджнура: если нужно, обо всем забыть на свете.

У влюбленного миджнура свой единственный закон:
Затаив свои страданья, о любимой грезит он.
Пламенеет он в разлуке, беспредельно исступлен,
Подчиняется смиренно той, в которую влюблен.

Тайну раненого сердца не откроет он другому,
Он любимую позорить не захочет по-пустому,
Он свои скрывает чувства, он к ее не ходит дому,
Он за счастье почитает эту сладкую истому.

Трудно верить в человека, коль о милой он бормочет.
Сам себе он вред приносит — что ж он попусту хлопочет?
Чем он милую прославит, если тут же опорочит?
Почему он сердцу милой причинить страданье хочет?

Не пойму я: чем притворство привлекает сумасброда?
Если он не любит деву, разве нет ему исхода?
Почему ж ее он хочет запятнать в глазах народа?
Но злодею злое слово слаще сахара и меда!

Плач миджнура о любимой — украшенье, не вина.
На земле его скитанья почитают издавна.
И в душе его, и в сердце вечно царствует одна,
Но толпе любовь миджнура открываться не должна.

Начальная повесть о Ростеване, царе аравийском

Жил в Аравии когда-то царь от Бога, царь счастливый,
Ростеван, искусный воин и владыка справедливый.
Снисходительный и щедрый, величавый и правдивый,
Был он грозный полководец и мудрец красноречивый.

Кроме дочери, владыка не имел другого чада.
Дочь его звездой сияла и была ему отрада.
Славных витязей царевна с одного пленяла взгляда.
Чтоб воспеть ее достойно, мудрецов немало надо.

Тинатин ей дали имя. Лишь царевна подросла
И затмила свет светила блеском юного чела,
Царь собрал своих вазиров¹, знатоков добра и зла,
И завел беседу с ними про высокие дела.

Царь сказал: «Когда под старость сохнет роза, увядая,
Вместо этой старой розы расцветает молодая.
Вот и я не вижу света, меркнет взор, изнемогая.
Справедливого совета жду от вашего ума я.

Жизнь моя к концу подходит, старость хуже всякой
боли.

Завтра, если не сегодня, я умру по Божьей воле.
Для чего и свет, коль мрака не избегнуть в сей юдоли!
Пусть же дочь, мое светило, воцарится на престоле».

Но вазирь отвечали: «Царь, с ущербною луной,
Как бы звезды ни сияли, не сравниться ни одной.

¹ *Вазир* — царский советник, министр.

Увядаящая роза дышит слаще молодой:
Что ж ты сетуешь на старость и зовешь ее бедой?

Нет, не вянет наша роза, не тверди нам, царь, об этом!
Но совет твой, даже худший, не чета другим советам.
Делай так, как ты задумал, коль другой исход неведом.
Пусть воссядет на престоле та, чей лик сияет светом!

Хоть и женщина, но Богом утверждается царица.
Мы не льстим: она способна на престоле потрудиться.
Не напрасно лик царевны светит миру, как денница:
Дети льва равны друг другу, лев ли это или львица».

Сын вельможи-полководца, сам прославленный спаснет¹,
Автандил-военачальник был в расцвете юных лет.
Стройный станом, почитался он соперником планет,
Но ресницы солнцеликой довели его до бед.

Затаив любовь к царевне, он страдал, испепеленный.
Розы щек его бледнели в тишине уединенной,
И росло при каждой встрече пламя страсти затаенной...
Сколь достоин сожаленья унывающий влюбленный!

В день, когда решилось дело с солнцеликою царевной,
Боль души его сменилась светлой радостью душевной.
Он сказал: «Теперь все больше, с каждой встречей
ежедневной
Буду я освобождаться от судьбы моей плачевной».

Ростеван по всей державе разослал такой указ:
«Тинатин на царском троне будет править вместо нас.
Пусть она сияет миру, словно царственный алмаз!
Дочь-царицу славословить приходите в добрый час!»

И сошлись к царю арабы, и приехали вельможи,
И Сограт, вазир любимый, с Автандилом прибыл тоже,
И, когда они воздвигли трон, устроенный пригоже,
Весь народ сказал в восторге: «Нет цены ему, о боже!»

¹ *Спаснет* — верховный военачальник.

И когда на трон царевну царь возвел пред всем собором,
И когда ее венчал он дивным царственным убором, —
С царским скипетром, в короне, восхваляемая хором,
На людей смотрела дева вдохновенно-кротким взором.

И склонились перед нею все собравшиеся ниц,
И признали эту деву величайшей из цариц,
И ударили кимвалы, и, как крылья черных птиц,
Все в слезах, затрепетали стрелы девичьих ресниц.

Ей казалось: трон отцовский отдан ей не по заслугам,
Потому в слезах томился садик роз, возвращенный югом.
Царь сказал: «Отцы и дети, мы царим здесь друг за другом.
Не отдав тебе престола, был бы я убит недугом!

Не томись напрасно, дочка! — он просил, увещевая. —
Ты теперь надежда наша, отдал все тебе права я.
Аравийская царица, будь правительницей края,
Мудро, скромно, прозорливо государством управляя.

Как бурьяну, так и розам солнце светит круглый год, —
Будь и ты таким же солнцем для рабов и для господ.
Царской щедростью и лаской привлеки к себе народ,
Помни: море не иссякнет, расточая бездны вод.

Щедрость — слава государей и премудрости основа.
Дивной щедростью владыки покоряют даже злого.
Есть и пить любому нужно, в том не вижу я плохого.
Что припрячешь — то погубишь, что раздашь —
вернется снова».

Поучениям отцовским дочь послушная внимала,
Светлым разумом без скуки в наставленья проникала.
Царь устроил пир веселый, веселился сам немало,
Солнце дивной красотой юной деве подражало.

И царица повелела вызвать дядьку-пестуна:
«Под печатями твоими сохраняется казна.
Сундуки открой с деньгами и очисти их до дна:
Дочь царя, своим богатством поделиться я должна».

Раздала все то царица, что своим считала сроду.
Всем — и знатным и незнатным — поприбавилось доходу.
Дева так и говорила: «Пусть родителю в угоду
Ныне все мое богатство будет роздано народу.

Открывайте кладовые, отпирайте все подвалы!
Выводи коней, конюший! Выносите перлы, лалы!
Ничего не пожалею!» И войска, наполнив залы,
На сокровища царицы устремились, как шакалы.

Как законную добычу завоеванных земель,
Всех коней они угнали, столь лелеемых досель.
И была похожа дева на небесную метель,
Чтоб любой ее дарами мог наполнить свой кошель.

Первый день прошел в забавах. Пили, ели, пировали.
Многочисленные гости властелина окружали.
Вдруг поник он головою, преисполненный печали.
«Что с владыкой приключилось?» — перешептываться стали.

Автандил-военачальник с добродетельным Согратом
Во главе иных придворных на пиру сидели рядом.
Увидав отца царицы странной горестью объатым, —
«Что с царем?» — они невольно стали спрашивать себя там.

И решили: «Наш владыка стал задумчив не к добру,
Ведь никто не мог обидеть государя на пиру!»
Автандил сказал Сограту: «Эту странную хандру
Постараемся рассеять: нам она не по нутру».

Встал Сограт седобородый, встал воитель, стройный станом,
Подошли они к владыке — каждый с поднятым стаканом, —
Опустились на колени на ковре золототканом,
И Сограт вступил в беседу с престарелым Ростеваном:

«Загрустил ты, царь великий! Взор твой больше не смеется.
Что ж, ты прав! В твоих подвалах даже драхмы¹ не найдется.
Дочь твоя свои богатства раздала кому придется.
Лучше б ей не быть царицей, чем с нуждой тебе бороться!»

¹ *Драхма* — мелкая монета, а также мера веса.

Оглянувшись на вазира, усмехнулся царь-отец,
Удивился: как он смеет упрекать его, наглец.
«Одолжил меня ты славно, мой прославленный мудрец,
Но ошибся, утверждая, что арабский царь — скупец!

Нет, вазир, не эти мысли доставляют мне мученье!
Стар я стал, уходят годы, чую смерти приближенье.
Кто, скажи, теперь возьмется заменить меня в сраженье?
Кто сумеет в ратном деле перенять мое умение?

Не дала судьба мне сына. Жизнь моя — сплошная мука.
И хотя привычна стала для меня земная скука, —
Сын сравнялся бы со мною, как лихой стрелок
из лука...
Лишь отчасти Автандилу впрок пошла моя наука».

Слово царское услышав, улыбнулся Автандил,
Светозарною улыбкой всю долину озарил.
Пред царем потупил очи, был он молод, полон сил.
«Ты чему смеешься, витязь? — царь, нахмурившись,
спросил. —

Разве речь моя безумна и достойна порицанья?»
«Государь, — ответил витязь, — дай сперва мне
обещанье,
Что меня ты не осудишь за обидное признание,
Не предашь меня на муки, не придешь в негодование».

Милой дочерью поклявшись, что как солнце пламенела,
Царь сказал: «Не бойся, витязь, говори мне правду
смело».
«Царь, — сказал отважный витязь, — предан я тебе
всецело,
Но напрасно ты кичишься, недостойно это дело!

Я, твой верный полководец, только пыль у царских ног,
Но пускай решает войско, кто искуснее стрелок.
Выходи ж на состязанье, государь, и видит Бог,
Лук и стрелы нас рассудят и дадут тебе урок».

Царь воскликнул: «Я с тобою говорю не для забавы.
Коль со мной ты спор затеял, не уйдешь ты от расправы!
Мы в свидетели поставим лучших воинов державы,
Поле быстро обнаружит, кто из нас достоин славы».

Так они договорились в этот вечер меж собою.
Царь шутил и улыбался, расположенный к герою.
В заключение решили: кто не справится с стрельбою,
Тот проходит трое суток с непокрытой головою.

И приказ владыка отдал: «Пусть двенадцать верных слуг
Подают мне стрелы в поле, всюду ездят для услуг,
Пусть они сочтут добычу, объезжая лес и луг.
Автандилу их заменит Шермадин, слуга и друг».

И загонщикам велел он: «Рассыпаясь цепью длинной,
Ваше дело — из трущобы гнать на нас косяк звериный».
И бойцов на состязанье пригласил он всей дружиной,
И закончил пир веселый, и расстался с чашей винной.

В золотой чалме, в оружьи, как лилея, строен станом,
На рассвете прибыл витязь ко дворцу за Ростеваном.
С высоко поднятым ликом, светозарным и румяным,
На коне он красовался в одеянье златотканом.

Скоро выехал владыка, для охоты снаряжен.
Луг, назначенный заране, был народом окружен.
Вдалеке звучали крики — начался звериный гон,
И стрелки схватили луки, как предписывал закон.

Царь двенадцати любимцам приказал: «Вперед, за мною!
Лук держите наготове, приготовьте стрелы к бою!
Подсчитайте, сколько дичи я убью моей рукою!»
Между тем лесные звери приближались к зверобою.

Многочисленное стадо появилось в отдаленье,
На охотников бежали серны, лани и олени.
Царь и витязь их встречали градом стрел, не зная лени.
Созерцая их проворство, люди были в изумленье.

Пыль, поднявшаяся к небу, солнце кутала во мглу,
Кровь лилась вокруг рекою, пот струился по челу.
Но любой из нападавших за стрелою слал стрелу,
И нельзя укрыться было ни оленю, ни козлу.

Поле быстро проскакали, все зверье поразогнали,
Многих насмерть уложили, землю кровью запятнали.
«Кипарис в садах эдемских! Есть другой такой едва ли!» —
Так о витязе твердили те, кто спор их наблюдали.

Поле кончилось, за полем поднимался лес дремучий,
Вдалеке торчали скалы, громоздясь на кручу кручей.
Звери прянули в тущобу, там их спас счастливый случай,
Ибо в чаще их настигнуть даже конь не мог могучий.

Царь, усталый, но довольный, возгласил: «Моя взяла!»
Автандил не соглашался, отирая пот с чела.
Услыхав их спор веселый, к ним дружина подошла.
Царь сказал: «Без всякой лести расскажите, как дела?»

«Государь, — сказали слуги, — чтоб тебе не заблуждаться,
Знай, что с юным Автандилом ты не можешь состязаться.
Мы помочь тебе не в силах, мы обязаны признаться,
Что от стрел его оленям было некуда деваться.

Двадцать раз по сто животных мы за вами прикололи,
Только счет у Автандила штук на двадцать будет боле.
Он без промаха стреляет, ты же, царь, помимо воли,
Много стрел своих напрасно разметал на этом поле».

Царь забавной схваткой в нарды посчитал событие это.
Был ему успех питомца слаще солнечного света.
Соловей не любит розу так, как он любил спаспета.
И печаль его исчезла, и душа была согрета.

Оба сели под деревья, дали воинам сигнал,
И войска, как строй колосьев, устремились на привал,
И двенадцать слуг царевых, каждый строен и удал,
Наблюдали за рекою и за выступами скал.

Аравийский царь встречает витязя в тигровой шкуре

Вдруг заметили арабы чужестранца молодого.
Опечаленный, держал он за поводья вороного.
Крупным жемчугом сверкало снаряжение верхового,
Роза инеем покрылась, как от ветра ледяного.

Облаченный в шкуру тигра и в такой же шапке странной,
Он сидел и горько плакал, этот витязь чужестранный.
Толщиной в мужскую руку, плеть его была чеканной.
«Что за странное виденье!» — думал царь со всей охраной.

Наконец, чтобы знакомству положить скорей почин,
Своего раба отправил за пришельцем властелин.
Но струился дождь хрустальный из агатовых стремнин,
И не смог ни слова молвить, подскакав, простолюдин.

Произнести не мог ни слова чужеземцу раб смущенный.
Наконец, придя в сознание, он воскликнул, восхищенный:
«Царь велел...» И вновь умолкнул, безгранично удивленный.
Но его не видел даже витязь тот иноплеменный.

Ничего не слышал витязь и не понял этой речи,
Невдомек страдальцу было, что войска шумят далече.
Сердце в пламени пылало, тихо вздрагивали плечи,
Кровь мешалась со слезами, как на поле грозной сечи.

Ум его витал далеко, грез не в силах отряхнуть.
И когда его посланец пригласил с собою в путь,
Не сказал ни слова витязь, только слезы лил на грудь.
Не хотела эта роза уст прекрасных разомкнуть.

И посланец к Ростевану возвратился без ответа:
«Царь, не хочет этот витязь слышать царского привета,
Ослепил мои глаза он блеском солнечного света,
Только время потерял я, не вини меня за это».

Удивился царь и в гневе приказал немедля слугам:
«Поезжайте все двенадцать, каждый с палицей и луком!
Если этот незнакомец не ответит мне ни звуком,
В плен его возьмите силой и воздайте по заслугам».

Вот рабы, гремя оружием, к незнакомцу подошли,
И очнулся этот витязь, сын неведомой земли.
Оглянулся он внезапно, увидал войска вдали.
«Горе мне!» — сказал, и слезы по лицу его текли.

И смахнул он эти слезы, и отер лицо рукою,
Меч на поясе поправил, лук повесил за спиною,
Сел в седло неторопливо и поехал стороною,
Не послушал, что хотели доложить рабы герою.

Руки воины простерли, задержать его хотели.
Горе, что он с ними сделал! Их враги бы пожалели!
Он валил их друг на друга, как никто другой доселе,
Рассекал по пояс плетью, пробивая в латах щели!

Царь был взбешен, и в погоню полетел другой отряд.
Вьется пыль, несутся кони, латы в воздухе горят.
Витязь снова оглянулся и, мешая с рядом ряд,
Стал рабов метать друг в друга, лютым пламенем объят.

Царь вскочил и с Автандилом поспешил на поле брани.
Стройный станом незнакомец тихо двигался в тумане.
Лик его светился светом, конь ярился, как Мерани¹,
Приближенье государя заметил он заране.

Он хлестнул коня, и взвился чудный конь, покорный воле
Седока, и все исчезло — никого не видно боле:

¹ *Мерани* — крылатый конь, образ грузинской мифологии.

Ни коня, ни чужестранца... Вознеслись на небо, что ли,
Или в землю провалились — но следы исчезли в поле.

Как их люди ни искали — не нашли. И царский стан
Порешил, что это демон напустил на них дурман.
Люди плакали по мертвым, обмывали язвы ран.
«Час настал, конец веселью! — скорбно молвил Ростеван. —

Видно, Богу надоело созерцать мое веселье,
Потому он посылает вслед за радостью похмелье.
Все мне в тягость, жизнь постыла, как губительное зелье...
Сохрани меня, Создатель, как сохранен был досель я!»

И уехал царь, вздыхая, полный горя и заботы,
Никого не пригласил он к продолжению охоты.
Разошлись и те, кто раньше испытал его щедроты.
Говорил один: «Причуда!» А другие: «Прав он, что ты!»

Скрылся царь в опочивальне. Автандил, названный сын,
Возвратившийся с охоты, провожал его один.
Никого из всех домашних не заметил властелин,
Замолчали в знак печали и кимвал и тамбурин.

Приходила дочь-царица, света белого кристальной,
У дворецкого пытала перед той опочивальной:
«Спит иль бодрствует родитель?» — «Возвратясь
с охоты дальней,
Государь наш с каждым часом все становится печальной.

Говорят, ему явилась на охоте вражья сила,
Он скорбит и не внимает утешеньям Автандила».
«Я уйду, — сказала дева и потом проговорила: —
Если спросит о царице, доложи, что приходила».

Наконец спросил владыка: «Где же юная луна?
Лишь она, роса живая, исцелит меня одна!»
«Государь, — сказал дворецкий, — приходила уж она,
Но, узнав, что ты невесел, удалилась, смущена».

«Ты сходи, — сказал владыка, — и скажи ей, ради бога:
„Отчего ты удалилась от отцовского порога?
Приходи скорее, радость, будь родителю подмога,
Расскажу тебе я, дочка, какова моя тревога“».

И пришла, не задержалась дочь послушная царева,
Как луна, небеснолика, утешать царя готова.
Усадил ее владыка, целовал и нежил снова,
Говорил: «Зачем ты, радость, не пришла ко мне без зова?»

«Государь, когда ты мрачен, — отвечала дочь царя, —
Не войдет к тебе и дерзкий, твой покой боготворя.
Увидав тебя печальным, потухает и заря.
Но полезней вникнуть в дело, чем отчаиваться зря».

«О дитя, — сказал владыка, — в час, когда приходит горе,
Нахожу я утешенье лишь в твоём прекрасном взоре.
Только ты одна сумеешь исцелить меня от хвори
И корить меня не будешь, о моем узнав позоре.

Некий витязь чужестранный повстречался мне в долине,
Лик его, подобный солнцу, не забуду я отныне.
Он сидел и горько плакал по неведомой причине,
Не хотел он с добрым словом подойти к моей дружине.

Увидав, что я разгневан, он помчался на коне.
Я рабов послал вдогонку — он их плетью по спине.
Он, как бес, исчез в пространстве, не вернулся он ко мне.
Наяву ль его я видел, или грезил я во сне?

И внезапно стал мне горек сладкий дар Творца вселенной,
Позабылись дни, когда я веселился как блаженный.
Возмутил мое сознание этот витязь дерзновенный,
Сколько дней ни проживу я, не утешусь жизнью брэнной!»

«Царь, — в ответ сказала дева, — ты мое послушай слово.
Почему судьбу и Бога осудил ты столь сурово?
Не того ль клянешь, кто в жизни не лишал тебя покрова?
Благосклонный к человеку не умыслит дела злого!

Ты — владыка над царями! Вот тебе он, мой совет:
Безграничными краями ты владеешь много лет.
Так пошли людей надежных, пусть объедут целый свет,
Пусть узнают, человек он, этот витязь, или нет.

Если он такой же смертный, человек, как мы с тобою, —
Он со временем найдется. Если ж нет, тогда, не скрою,
Был, как видно, это дьявол, нам ниспосланный судьбою.
Не томи себя печалью, не терзай себя тоскою!»

И в четыре части света полетели скороходы.
Им сказали: «Будьте смелы, поборите все невзгоды,
Разузайте, кто тот витязь нам неведомой породы,
В захолюстья шлите письма, не скупитесь на расходы».

Целый год гонцы скитались, исходили полземли,
Всех знакомых, незнакомых расспросили как могли,
Но того, кто знал страдальца, как ни бились, не нашли
И с досадой возвратились, истомленные, в пыли.

«Государь, — они сказали, — мы повсюду побывали,
Но не встретился нам витязь, преисполненный печали.
Ничего о нем доселе чужестранцы не слыхали.
Делай что тебе угодно, но найдешь его едва ли!»

«Ах, — ответил царь, — я вижу, что права была царица:
В сети адские попал я, начал плакать и томиться.
То не витязь был, но дьявол, улетевший, точно птица.
Прочь печали и тревоги! Будем жить и веселиться!»

И опять открылись игры, и сошлись на царский двор
И певцы и лицедеи, услаждающие взор.
Роздал царь даров немало, во дворце устроил сбор, —
Говорят: людей столь щедрых Бог не создал до сих пор.

Автандил в своем чертоге, сбросив платье дорогое,
Наслаждался звоном арфы, вспоминая про былое.
Вдруг явился негр-служитель той, чей стан стройней алоэ.
«Солнцеликая, — сказал он, — ждет тебя в своем покое».

И почудилось спаспету, что сбылось его мечтанье,
И облекся он немедля в дорогое одеянье.
В первый раз без посторонних был он призван на свиданье.
Сладко быть вблизи любимой, созерцать ее сиянье!

Не смущаясь, подошел он ко дворцу, красив и смел,
Ради той, из-за которой столько горя претерпел.
Но печальный взор царицы, словно молния, горел,
И луна в его блистанье проклинала свой удел.

Грудь заботливо ей кутал мех прекрасный горностая,
С головы фата спадала, тканью сладостной блистая,
Мрак ресниц впивался в сердце, словно черных копий стая,
Шею локоны лобзали, с плеч коса вилась густая.

Но мрачна была царица под прозрачную фатою,
Нежным голосом, однако, приказала сесть герою.
Подал стул ему невольник. Сев, поник он головою
И, лицом к лицу с любимой, упивался красотою.

Витязь молвил: «Что скажу я, коль душа твоя мрачна?
Говорят, при встрече с солнцем потухает и луна.
Я не в силах больше мыслить, словно есть на мне вина.
Чем, скажи, тебя утешу? Чем ты ныне смущена?»

«Витязь, — дева отвечала благосклонно и учтиво, —
От меня ты был доселе отдален несправедливо.
И хотя свиданье наше считаешь ты за диво,
О беде моей великой я скажу тебе правдиво.

Помнишь, как совсем недавно, состязаясь с Ростеваном,
Повстречался ты на поле с незнакомцем чужестранным?
С той поры о нем я мыслю, плачу в горе непрестанном.
Разыщи его мне, витязь! Поезжай по дальним странам!

И хотя не мог ты видеть до сих пор свою луну,
Знаю я: в уединенье любишь ты меня одну,
Непрестанно слезы точишь, таешь каждую весну,
Что твое томится сердце у меня одной в плену.

Слушай, витязь. Ты обязан мне служить по двум причинам:
Ты, во-первых, славный воин, одаренный духом львиным,
Во-вторых, ты стал миджнуром, подчиняться мне
повинным, —
Потому прошу тебя я: незнакомца отыщи нам!

Я люблю тебя безмерно, но любить я буду боле,
Если ты исчадьё это победишь на бранном поле.
Дай возрасти цветам надежды в бедном сердце, полном боли!
Знай, мой лев: тебя я встречу, восседая на престоле.

Ты ищи его три года и, напав на верный след,
Возвращайся, победитель, с величайшей из побед.
Не найдешь, так я уверюсь, что его на свете нет,
И отдам тебе навеки непоблекшей розы цвет.

Я клянусь тебе, мой витязь: если выйду за другого,
Будь он даже солнцем мира в виде юноши земного, —
Пусть тогда лишусь я рая! Я и в ад сойти готова!
Хоть пронзи меня кинжалом, не скажу тебе ни слова!»

«О, — воскликнул витязь, — дева, чьи ресницы из агата!
Что скажу тебе на это? Вся душа огнем объята!
Ты меня вернула к жизни, вот за горести расплата!
За тебя, твой раб, пойду я на любого супостата!

Бог тебя подобной солнцу сотворил над миром зла,
Подчинил тебе он в небе все небесные тела.
Оттого твоим щедротам нет ни меры, ни числа,
Оттого в твоём сиянье роза снова ожила!»

Поклялись они друг другу дивной клятвой крепче стали
И, беседуя друг с другом, успокаиваться стали,
И счастливые минуты для влюбленного настали,
Жемчуга из уст открытых, словно молнии, блистали.

Сели вместе, улыбнулись и в лобзании невинном
Обнялись агат с агатом и слились рубин с рубином.
Он сказал: «Лишить рассудка можешь взглядом ты единым,
Лишь мое больное сердце наполняешь духом львиным!»

И расстался с девой витязь, и вернулся он назад.
Озираясь, как безумный, шел он ночью наугад.
На сияющие розы сыпал он хрустальный град,
Обручил он с сердцем сердце, чтобы верным быть стократ.

Говорил он: «О светило! Поражен судьбой коварной,
Я — кристалл, рубин и роза — принимаю цвет янтарный.
Как три года проживу я вдалеке от светозарной?
Изнывая от печали, я умру, неблагодарный!»

Лег на ложе, горько плачет, слезы вытереть не может,
Гнется тополем по ветру, но тоска все больше гложет.
Лишь задремлет — образ милой сердце снова растревожит,
Вскрикнет витязь и, проснувшись, в двадцать раз
печаль умножит.

Так ему знакомы стали муки пламенных сердец.
Жемчуг слез сиял на розе, и ласкал ее багрец.
Утром встал он, облачился, кликнул слуг и наконец
На коне своем любимом устремился во дворец.

И послал он царедворца к Ростевану с донесеньем:
«Царь, осмелюсь обратиться за твоим распоряженьем.
Славен меч твой, все народы чтут его повиновеньем.
Это должен я напомнить всем соседним поселеньям.

Ныне я идти обязан на противников войною,
Славной вестью о царице положить конец разбою.
Я обрадую покорных, непокорных успокою,
Я пришлю даров немало, лишь дела твои устрою».

И сказал ему владыка, услышав его слова:
«Лев, от боя уклоняться недостойно званья льва.
Мы обязаны с тобою охранять свои права.
Поезжай, но что мне делать, коль проездишь года два?»

И вошел к владыке витязь и сказал ему с поклоном:
«Государь, не думал быть я столь высоко восхваленным!
Бог, быть может, озарит мне дальний путь под небосклоном,
И тебя я вновь увижу неизменно благосклонным».

Обнял царь его, как сына, целовал его, вздыхая.
Воспитатель и питомец — есть ли где чета такая?
И покинул в день разлуки Автандил владыку края.
Ростеван мягкосердечный плакал, слезы проливая.

И покинул витязь город и скитался двадцать дней,
Постепенно приближаясь к дальней вотчине своей.
Величавый и отважный, радость мира и людей,
В вечных думах о любимой пламенел он все сильней.

И, когда он, странник, прибыл в пограничные владенья,
Поднесли ему вельможи дорогие подношенья.
Всякий, кто его увидел, расцветал от лицезренья,
Но спешил в дорогу витязь и боялся промедленья.

Здесь, в середине скал природных, где конца не видно
кручам,
Славным городом владел он, неприступным и могучим.
Трое суток жил тут витязь, бил зверей в лесу дремучем,
Совещался с Шермадином, верным другом наилучшим.

Шермадин, кого я раньше помянул стихом моим,
Был рабом у Автандила, но воспитывался с ним.
Он не знал, какой печалью славный витязь был томим.
И герой не стал таиться пред наперсником своим.

«Шермадин, — промолвил витязь, — повинюсь
чистосердечно,
Винovat я пред тобою: ты служил мне безупречно,
Я ж, любовь мою скрывая, тосковал и плакал вечно.
Ныне я моей любимой обнадежен бесконечно.

Тинатин меня пленила, и нарциссы в день печали
На заснеженные розы слезы жгучие роняли.
Не хотел я, чтобы люди о любви моей узнали,
Но теперь слова надежды скорбь мою уврачевали.

Мне царица повелела: „Тайну витязя открой,
И, когда назад вернешься, буду я твоей женой.

Содержание

Николай Заболоцкий. Мудрость Руставели 5

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Вступление	17
Начальная повесть о Ростеване, царе аравийском	22
Аравийский царь встречает витязя в тигровой шкуре	29
Указ Автандила его подданным	40
Автандил уезжает на поиски витязя в тигровой шкуре	42
Повесть о жизни Тариэла, рассказанная Автандилу при первой встрече	59
Повесть о любви Тариэла, впервые полюбившего	64
Первое послание Нестан-Дареджан возлюбленному	69
Первое послание Тариэла возлюбленной	70
Послание Тариэла к хатавам и свидание его с возлюбленной	71
Ответ Рамаза и поход Тариэла на хатавов	73
Послание Тариэла царю индийскому и возвращение его на родину	81
Послание Нестан-Дареджан к ее возлюбленному	85
Послание Тариэла возлюбленной и сватовство Нестан-Дареджан	87
Приезд хорезмийского царевича и гибель его от руки Тариэла	93
Тариэл узнает о похищении Нестан-Дареджан	96
Встреча Тариэла с Нурадин-Фридоном	100
Тариэл помогает Фридону победить врага	103

Рассказ Фридона о Нестан-Дареджан	105
Возвращение Автандила в Аравию	112
Просьба Автандила о новой поездке и разговор вазира с царем	120
Беседа Автандила с Шермадином перед вторым тайным его отъездом	127
Завещание Автандила царю Ростевану	129
Молитва Автандила перед отъездом	132
Ростеван узнает о тайном отъезде Автандила	133
Второй тайный отъезд Автандила к Таризлу	136
Автандил в поисках Таризла: плач его и стенание	141
Автандил находит Таризла во второй раз	142
Рассказ Таризла о том, как он убил льва и тигрицу	148
Возвращение витязей в пещеру и свидание их с Асмаг	150
Отъезд Автандила к Фридону, правителю Мульгазанзара ...	155
Прибытие Автандила к Фридону после разлуки его с Таризлом	158
Отъезд Автандила на поиски Нестан-Дареджан	166
Прибытие Автандила в приморский город Гуланшаро	171
Встреча Автандила с Фатьмой	174
Фатьма влюбляется в Автандила	175
Любовное послание, написанное Фатьмой Автандилу	176
Ответ Автандила и встреча его с чачнагиром	178
Автандил убивает чачнагира	181
Фатьма рассказывает Автандилу историю Нестан-Дареджан	182
Фатьма спасает Нестан-Дареджан и рассказывает о ней Усену	185
Усен выдает Нестан-Дареджан царю морей	188
Повесть о пленении Нестан-Дареджан каджами, рассказанная Фатьмой Автандилу	195
Послание Фатьмы к Нестан-Дареджан	203
Послание Нестан-Дареджан к Фатьме	206
Послание Нестан-Дареджан к возлюбленному	208
Послание Автандила к Фридону	212

Отъезд Автандила из Гуланшаро и встреча его с Тариэлом . .	214
Отъезд витязей к Фридону	221
Совет витязей у крепости Каджети	224
Взятие Каджети и освобождение Нестан-Дареджан	227
Прибытие Тариэла к царю морей	230
Прибытие Тариэла в царство Фридона	233
Свадьба Тариэла и Нестан-Дареджан, устроенная царем Нурадин-Фридоном	236
Тариэл возвращается к пещере и видит свои сокровища . . .	240
Свадьба Автандила и Тинатин, устроенная царем арабов . . .	248
Тариэл узнает о смерти индийского царя	253
Прибытие Тариэла в Индию и покорение хатавов	256
Свадьба Тариэла и Нестан-Дареджан	261
Заключение	266